

«ДОЛГ», «ЖЕРТВА» И «ЭКОНОМИЯ»: ПОСЛЕВОЕННАЯ РИТОРИКА ВЛАСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ НАСЕЛЕНИЯ

М. А. Клинова

Уральский государственный экономический университет

Поступила в редакцию 26 ноября 2018 г.

Аннотация: новизна исследования определяется тем, что в нем впервые предпринят анализ идеологием послевоенного периода (1946–1948 гг.), направленных на формирование и корректировку экономических стратегий населения (трудовой деятельности, материального потребления). Наиболее востребованными в политической риторике периода являлись категории: «жертва», «долг», «экономия». Все они актуализировали проблему мобилизации сил и средств населения, которые должны были быть направлены на решение задач восстановления страны. Выделенные понятия употреблялись как в открытой риторике власти, когда населению обозначались поставленные перед ним задачи, так и в манипулятивной риторике, призванной посредством декларирования «высоких» целей скрыть реалии проводимых правительством непопулярных мер (снижение размеров премий, сокращение контингента, снабжаемого по карточкам и пр.).

Ключевые слова: идеология, СССР, 1946–1948, экономические стратегии населения, жертва, долг, экономия.

Abstract: the Novelty of the study is determined by the fact that it first analyzes the ideologies of the post-war period (1946–1948), aimed at the formation and adjustment of economic strategies of the population (labor activity, material consumption). The most popular in the political rhetoric of the period were the categories: «victim», «debt», «economy». All of them actualized the problem of mobilization of forces and means of the population, which had to be directed to the solution of tasks of reconstruction of the country. The allocated concepts were used both in open rhetoric of the power-when the tasks set for it were designated to the population, and in the manipulative rhetoric urged by means of declaring of «high» purposes to hide realities of the unpopular measures carried out by the government (reduction of the sizes of awards, reduction of the contingent supplied on cards, etc.).

Key words: ideology, Soviet Union, 1946–1948, economic strategy of the population, sacrifice, duty, saving.

Одним из направлений изучения советского наследия является обращение к советской политической риторике. Стилистические формы и содержание властной риторики определялись целевой направленностью дискурса, спецификой задач, на решение которых он был направлен. В этой связи особый интерес представляет послевоенный период, когда страна, вышедшая из разрушительной войны, нуждалась в восстановлении. Эффективность восстановления страны, реализуемого силами советских граждан, во многом зависела от риторики власти, специфики обращения к населению, устойчивости формируемых мотиваций.

В современной историографии изучение политического дискурса 1940–х гг. зачастую сводится к анализу риторического наследия Сталина. Специфика текстов оценивается по их построению, логичности, аргументированности. Авторы дают общую характеристику стиля статей и выступлений Сталина, выявляют общие принципы построения суждений и

истоки формирования стиля сталинской риторики [1–3]. В качестве источников, как правило, используются работы Сталина довоенного и военного периодов, в то время как существенный текстовой пласт материалов послевоенного этапа «сталинской» эпохи остается практически вне фокуса исследовательского поиска. Также немаловажно отметить, что политический дискурс послевоенного периода не исчерпывается риторическим наследием исключительно политического лидера. Стилистические конструкты, идеологические маркеры и императивы были разлиты в более широком политическом пространстве – принимаемых законах и указах, материалах постановлений правительства и пр.

В данной работе предпринят анализ текстов нормативных документов послевоенного периода, направленный на выявление акцентированных в них идеологием, призванных корректировать экономические стратегии населения. Выявлена специфика употребления и содержание словестных формул, которыми оперировала власть в указанный период. Источниковую основу исследования составляют ма-

териалы постановлений, распоряжений и сообщений Совета министров СССР и Центрального комитета ВКП(б), законы и указы Президиума Верховного Совета СССР.

В послевоенный период реалии советского социально-экономического регулирования были обусловлены необходимостью восстановления ущерба и потерь СССР в Великой Отечественной войне. Несмотря на прекращение военных действий, в экономике СССР в 1946 г. сложилась достаточно критическая ситуация. Помимо сложностей восстановления страны летом 1946 г. ряд регионов Центральной России, Среднего и Нижнего Поволжья, а также Украину и Молдавию охватила засуха, поставив население под угрозу голода.

Критичность экономической ситуации обусловила сохранение экстремальных императивов в официальном дискурсе послевоенного времени. Лейтмотивом ряда правительственных резолюций 1946 г. являлось понятие «жертвы», которую население должно принести в пользу государства, но, уже не погибая за Родину на фронте, а путем снижения запросов и фактических объемов своего потребления. В сентябре 1946 г. Совет министров СССР и ЦК ВКП(б) принимают решение о повышении пайковых цен. Постановление по этому вопросу было принято Политбюро 6 сентября 1946 г. В тексте документа говорилось: «Совет министров СССР и ЦК ВКП(б) учитывают трудности повышения пайковых цен и понимают, что здесь потребуются *жертвы* со стороны рабочих, служащих и крестьян ради общего дела. Нужно иметь в виду, что без серьезных *жертв* невозможно ликвидировать тяжелое наследие войны» [4, л. 16]. Обращение к этической категории «жертвы», как требование терпения и минимизации потребительских стремлений граждан, звучит в Постановлении Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары»: «Все же при проведении денежной реформы требуются известные *жертвы*. Большую часть *жертв* государство берет на себя. Но надо, чтобы часть *жертв* приняло на себя население, тем более что это будет последняя *жертва*» [5, с. 159].

Г. Г. Хазагеров, выявляя особенности властной риторики, направленной на принятие непопулярных мер, отмечает общую схему построения дискурса: «Адресат риторики должен почувствовать: сейчас не тот случай, когда надо блюсти свой интерес, сейчас другой, противоположный случай. ... Риторика непопулярных мер основана на самом обычном узнавании, на концентрации примет, по которым опознается “тот случай”, “тот момент” и отвергается все остальное» [6, с. 19]. В данном случае использование официальным дискурсом экзистенциального понятия «жертвы» было призвано сформировать у граждан более тер-

пимое отношение к кризисным экономическим реалиям, а также восприятие вынужденных личных трудностей как объективно необходимых для Родины.

Еще одной важной задачей, решаемой в послевоенный период посредством политической риторики, являлась интенсификация трудовой деятельности граждан. Посредством обращения власти к специфическим лексическим формам в сознании населения формировалась идея о необходимости максимальной активизации трудовой деятельности и выполнения задач, поставленных перед трудящимися, независимо от того, каких усилий потребует их достижение.

Еще в 1930-е – первой половине 1940-х гг. исключительной политической востребованностью отличалась ментально-ценностная категория «долг». «Военная» коннотация данной категории была отражена в ст. 133 Конституции СССР 1936 г. и ст. 137 Конституции РСФСР 1937 г.: «Защита отечества есть священный долг каждого гражданина» [7; 8], а также отличалась значительной востребованностью в политической риторике периода Великой Отечественной войны.

Не теряя ярко выраженной нравственной окрашенности, понятие «долга» переливается в иные сферы жизнедеятельности советского социума. В результате означенной дилатации термина в советском языковом пространстве формировались новые лингвистические штампы и устойчивые атрибутивные сочетания: «патриотический долг», «общественный долг», «классовый долг», «партийный долг», «комсомольский долг», «пионерский долг», «профсоюзный долг» и т. д. [9, с. 31; 10, с. 170–171]. Лингвистическая экспансия понятия «долга» тем не менее не приводит к облегчению его ценностной наполненности. Как замечает Н. А. Купина: «Морально-романтический орнамент облагораживает, а в отдельных случаях сакрализует модальность долженствования», лексические сочетания с категорией «долга» «обладают тональностью высокого» [9, с. 31]. «Долг» являлся неотъемлемым этическим качеством советского человека, нормативно присущим всем категориям граждан, наличествующим во всех сферах и периодах их жизнедеятельности. В этой связи не лишним логики видится замечание С. Г. Воркачева, по мнению которого идея долга была превращена советским государством в «разновидность первородного греха, от которого невозможно избавиться» [11, с. 50].

В послевоенный период категория «долга» сохраняет свою актуальность в политическом дискурсе. Апелляция к данной категории звучит в текстах правительственных постановлений, касающихся частных вопросов организации трудовой деятельности населения. Так, например, в Постановлении Совета министров СССР от 29 мая 1948 г. № 1840 «Об упорядочении распределения и использования молодых специалистов, оканчивающих высшие и средние

специальные учебные заведения» отмечено, что «руководители и общественные организации учебных заведений еще недостаточно проводят работу по воспитанию у студентов чувства государственного долга, в результате чего некоторая часть молодых специалистов по окончании ими учебных заведений уклоняется от поездки на работу по путевкам министерств» [12, л. 280].

Категория «долг» звучала как призыв населения к самоотверженному труду. В тексте «Обращения ЦК ВКП(б) ко всем избирателям в связи с выборами в Верховный Совет СССР» (1946 г.) данному призыву предшествует ретроспективный анализ: «...партия большевиков призвала советских людей не покладая рук трудиться... трудящиеся не жалели сил и средств, чтобы укрепить оборону СССР..., советский народ своим упорным и самоотверженным трудом создал передовое социалистическое государство, ...в годы войны наш народ перенес большие лишения» [5, с. 8, 11, 12]. Последующий текст документа актуализирует трудовую активность населения: «Еще много труда и энергии *должен* затратить наш народ, чтобы залечить раны, нанесенные нашей стране фашистскими извергами. Перед советским народом стоит задача – полностью восстановить разрушенные врагом фабрики, заводы, электростанции, шахты, рудники...» [там же, с. 12, 14]. Понятие «долга» сакрализуется, формулируясь как священная обязанность, и масштабируется – определяя субъектом «долженствования» весь советский «народ».

Актуализированное в политическом дискурсе послевоенного периода требование максимального напряжения всех общественных сил, выходящих за пределы человеческих возможностей, усиливается понятиями «самоотверженный», «напряженный» и т. п. В тексте «Постановления ЦК ВКП(б) об агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с принятием закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы» (27 марта 1946 г.) в качестве требования к содержанию проводимой пропагандистской работы отмечено: «Партийные организации должны систематически разъяснять трудящимся, что от их усилий от напряженного и самоотверженного труда каждого советского человека на своем посту в предстоящей пятилетке зависит успешное выполнение пятилетнего плана, дальнейшее укрепление могущества социалистического государства» [там же, с. 18].

Цитируемый фрагмент иллюстрирует важный механизм стимуляции трудовой активности населения, широко используемый в советской политической риторике. Успешность достижения коллективного, значимого для государства результата ставится в зависимость от эффективности деятельности отдельного индивида. В приводимом примере «могущество

советского государства» зависит от «самоотверженного труда каждого советского человека». Построение такой презентационной формы апеллировало сразу к двум ментально-ценностным категориям советского дискурса: «единства» и «ответственности». В советской риторике «единство» являлось ключевой социальной характеристикой, коннотирующей к понятиям монолитности, коллективизма и устойчивости советского социума и государства. В свою очередь понятие «ответственности» было системообразующим компонентом советской социальной системы, предполагая бдительность, сознательное, сосредоточенное отношение человека к реальности, участие каждого в общем деле и т. д. По справедливому замечанию О. В. Хархордина, принятие общественно полезной групповой цели и последующая индивидуальная идентификация с ней являлись основными механизмами формирования и управления коллективами в СССР [13, с. 105–109].

Практика апелляции к индивидуальной ответственности за «всеобщее благо» использовалась в нормативных правовых актах послевоенного периода, направленных на стимуляцию трудовой активности отдельных профессиональных групп советского социума. Так, в тексте Постановления Совета министров СССР от 3 декабря 1946 г. № 2593 «О всесоюзном социалистическом соревновании предприятий и строек министерства угольной промышленности восточных районов СССР за выполнение и перевыполнение пятилетнего плана 1946–1950 гг.» в качестве аргумента, призванного повысить трудовую активность шахтеров, отмечалось: «В увеличении добычи угля кровно заинтересованы все советские люди, все наше государство» [14, л. 162].

Еще одной идеологемой послевоенного периода, используемой в качестве инструмента регуляции экономических стратегий советского социума, являлась категория «экономия». Требование «экономии», аргументированное объективными сложностями послевоенного времени, было количественно акцентировано в нормативном дискурсе периода. Обращение к данной категории проявлялось в различных контекстуальных формах.

Она фиксировалась в многочисленных резолюциях, касающихся продовольственной сферы. Вследствие обострения продовольственных проблем в сентябре 1946 г. Совет министров СССР и ЦК ВКП(б) начали так называемую кампанию за экономию хлеба. Осенью 1946 г. выходит ряд резолюций, направленных на «усиления борьбы за правильное и экономное расходование хлебопродуктов» [14, л. 34–39, 61–64]. Не ограничиваясь хлебной проблематикой, требование экономии фиксируется в нормативной документации периода в форме императива: «Вести борьбу за экономию продовольствия» [15, л. 283–284]. Данный призыв к экономии был обращен к самому

населению, которое должно было, осознавая необходимость рационального потребления, рачительно и экономно относиться к продовольствию, тем самым реализуя императив государственной политики.

В то же время понятие «экономия» фиксировалось в документах, направленных на снижение продовольственного обеспечения граждан. Так, например, в совместном постановлении Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 27 июля 1946 г. № 1630 было принято решение «пойти на некоторое сокращение расходов государственных хлебных ресурсов», что на практике означало «сократить контингент снабжаемого населения, проживающего в сельской местности, снять с пайкового снабжения хлебом в городах и рабочих поселках часть неработающих взрослых иждивенцев и несколько уменьшить остальным иждивенцам норму выдачи хлеба по карточкам» [16, с. 158–159]. Категория *экономия* фигурирует и в принятом Советом министров СССР и ЦК ВКП(б) Постановлении «О сокращении контингента и норм снабжения. Об экономии в расходовании хлеба» (27 сентября 1946 г.). С целью экономии с 1 октября 1946 г. прекращался отпуск муки, крупы и хлеба по всем без исключения видам дополнительного снабжения, уменьшена выработка сортовой муки, сокращен фонд коммерческой торговли хлебом и крупой. В принятом через несколько месяцев Постановлении Совета министров СССР от 27 ноября 1946 г. № 2539 «О завышении заявок на контингенты, снабжаемые хлебом и продовольственными товарами» были зафиксированы нарушения в системе карточного распределения, а также обозначено требование, адресованное Министерству торговли СССР (т. Любимову), с 1 декабря 1946 г. сократить «контингенты... снабжаемые продовольствием по группе работающих, на 273,8 тыс. человек» [14, л. 48]. Важно отметить, что предпринятое «сокращение контингента» в тексте данного постановления трактовалось как экономия продовольствия: «Министерству торговли СССР (т. Любимову) сократить дополнительно к предусмотренной экономии мясопродуктов... фонды за счет... недоиспользованных в октябре и ноябре и снижаемых в декабре контингентов на мясопродукты на 569 тонн и жиров на 757 тонн... представлять Совету министров СССР, ЦК ВКП(б) и Госплану СССР 12 числа каждого месяца отчет о реализации хлебных и продовольственных фондов и об экономии их» [там же, л. 49].

Понятие «экономия» было связано не только с сокращением контингента снабжаемого по карточкам населения. Согласно Постановлению Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 18 октября 1946 г. № 2340-997с «О дополнительных мерах по экономии в расходовании хлеба и усилении контроля за работой Министерства торговли и его органов» сокращалась коммерческая торговля хлебом и крупой, а с 1 ноября 1946 г. устанавливалась примесь овсяной, ячменной и

кукурузной муки при выпечке хлеба (для всех областей и краев объем примесей в муке составлял 40 %, для Москвы и Ленинграда – 20 %) [17, л. 119–122]. Предпринятое ухудшение качества выпекаемого хлеба также трактовалось как «экономия», необходимая для преодоления кризиса продовольственного снабжения.

Широкое распространение категория «экономия» получила в правительственных документах, актуализирующих проблематику снижения себестоимости продукции и экономного расходования сырья на производстве. Примером такого использования категории является текст «Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства РСФСР на 1946–1950 гг.», где одной из мер, необходимых для восстановления страны, было «снижение себестоимости продукции, ...повышение внимания хозяйственных организаций к мобилизации внутренних ресурсов, к режиму экономии» [18, с. 27]. Требование «экономии» на производстве фиксируется во многих нормативных документах, адресованных различным профессиональным группам советского социума. Типичными лексическими формами данного императива являются призывы к «строжайшей экономии и бережному расходованию средств», требования «усилить работу по внедрению строгого режима экономии средств», вести «борьбу с расточительным расходованием материалов на производстве, осуществлять режим экономии» и т. п. [12, л. 142; 19, л. 320; 20, л. 101].

Выступая в качестве инструмента регуляции трудовых стратегий, категория «экономия» была связана с уровнем материального благосостояния населения. Хотя специфика данной взаимосвязи была неоднозначной. С одной стороны, наличие результатов по снижению себестоимости продукции и соблюдение трудящимися «экономии на производстве» выступало основанием для их премирования. Например, согласно Постановлению Совета министров СССР от 21 мая 1947 г. № 1629 «Об изменении порядка премирования рабочих и инженерно-технических работников за экономное расходование топлива» за экономию топлива сверх установленных норм расхода инженерно-технические работники получали в качестве премии «до 75 % от стоимости сэкономленного топлива (по агрегату, бригаде, смене и т. п.)» [21, л. 55].

С другой стороны, в нормативном дискурсе периода категория «экономия» фигурировала в текстах документов, направленных на снижение доходов населения. Постановлением Совета министров СССР от 3 июля 1948 г. № 2395 «О частичном сокращении размеров премий» размеры премий за перевыполнение плана и снижение себестоимости продукции были сокращены на 25 %, за победу во Всесоюзном социалистическом соревновании на 50 % [22, л. 138]. В августе того же года вышло постановление Совета

министров СССР, само название которого позволяет более четко обозначить объекты и методы проводимой государством «экономии»: «Об изъятии в доход бюджета *экономии*, образующейся в связи с частичным сокращением размеров премий» (9 августа 1948 г.). В тексте документа утверждалось требование: «Установить, что *экономия* от сокращения премий... направляется в доходы соответственно союзного, республиканских и местных бюджетов. Обязать Министерство финансов СССР и Госплан СССР установить порядок определения суммы *экономии* от сокращения размера премий и их изъятия в бюджет 1948 г.» [23, л. 89]. Таким образом, в послевоенном политическом дискурсе категория «экономия» употреблялась не только в контексте требований от населения честного и рачительного использования благ. Она фигурировала в документах, направленных на аккумуляцию ресурсов, реализуемую государством за счет населения. Население выступало не только как субъект, но и объект проводимой государством «экономии».

Таким образом, предпринятый анализ материалов советского политического дискурса послевоенных лет позволил зафиксировать ряд идеологем, используемых для регулирования экономических стратегий советского социума. Это такие категории, как «жертва», «долг», «экономия».

Все означенные категории актуализировали проблему мобилизации сил и средств населения, которые должны были быть направлены на решение задач восстановления государства. Данные лексические формы употреблялись как в открытой риторике власти – когда населению обозначались поставленные перед ним задачи, так и в манипулятивных дискурсивных практиках, призванных посредством декларирования «высоких» целей скрыть реалии проводимых правительством непопулярных мер (снижение размеров премий, повышение норм выработки). В целом, специфика советского политического дискурса послевоенных лет дает основание утверждать, что население не являлось приоритетным объектом социальной политики власти, скорее выступая как ресурс для урегулирования экономических проблем, стоящих перед государством, которые решались как с помощью граждан, так и «за счет» населения путем снижения его уровня жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вайскопф М. Я.* Писатель Сталин / М. Я. Вайскопф. – М., 2002. – 384 с.
2. *Смолененкова В. В.* Риторика Сталина военного времени. Приказ № 70 / В. В. Смолененкова. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_105.htm
3. *Хаззагерев Г. Г.* Политическая риторика / Г. Г. Хаззагерев. – М., 2002. – 313 с.
4. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 1061.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1986 : в 16 т. – 9-е изд. – М., 1985. – Т. 8. – 542 с.
6. *Хаззагерев Г. Г.* Партия, власть и риторика / Г. Г. Хаззагерев. – М., 2006. – 48 с.
7. Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики : утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г. // Собрание Указаний и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. – 1937. – № 2.
8. Конституция Союза Советских Социалистических Республик : утверждена Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК Союза СССР и ВЦИК. – 1936. – № 283. – 16 дек.
9. *Купина Н. А.* Советский конформизм в зеркале языка / Н. А. Купина // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 27–32.
10. *Мокиенко В. М.* Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб., 1998. – 701 с.
11. *Воркачев С. Г.* Идея патриотизма в русской лингвокультуре / С. Г. Воркачев. – Волгоград, 2008. – 199 с.
12. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). – Ф. Р-5446. – Оп. 1. – Д. 335.
13. *Хархордин О. В.* Обличать и лицемерить : генеалогия российской личности / О. В. Хархордин. – СПб. ; М., 2002. – 333 с.
14. ГА РФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 1. – Д. 288.
15. ГА РФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 1. – Д. 286.
16. Борьба с хищениями, бесхозяйственностью, растратой, местничеством, обманом государства, спекуляцией и взяточничеством. Сборник нормативных актов : в 2 ч. Ч. 1. – М., 1984. – 375 с.
17. Российский государственный архив экономики. – Ф. 8224. – Оп. 7. – Д. 8.
18. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР : в 7 т. Т. 5. 1946–1948. – М., 1949. – 662 с.
19. ГА РФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 1. – Д. 282.
20. ГА РФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 1. – Д. 332.
21. ГА РФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 1. – Д. 302.
22. ГА РФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 1. – Д. 338.
23. ГА РФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 1. – Д. 342.

Уральский государственный экономический университет

Клинова М. А., кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии
E-mail: klinowa.m@yandex.ru

Ural State University of Economics
Klinova M. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the History and Philosophy Department
E-mail: klinowa.m@yandex.ru